

1863

1873

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

Самод

„ШЛЯХИ“

ПЕРВАГО ПО ВРЕМЕНИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПѢНІЯ И ИЗЯЩНАГО ГОВОРЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

ESTICA

A-4229

Въ Библиотекѣ Русскаго
Русскаго Клуба.

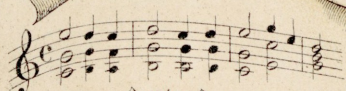
Дана.

Отъ составителей.

1873 августа 1 дня.

1863.

1873.

Сявѣ-са. Сявѣса Сявѣ-а Рѣса!

Боянь же, братіе, не Т соко-
ловъ на стадо лебедѣй пуцаше,
нѣ своя вѣща прѣсты на живая
струны вѣскладаше; они же сами
княземъ славу рокотаху.

„Сл. о П. Иг.”

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

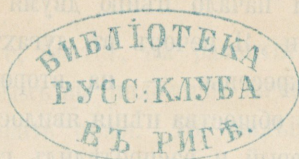
ИЗЪ

ЛѢТОПИСИ „БЯШНЯ” СОСТАВИЛЪ

Е. КОЗИНЪ.

РИГА. 1873.

I.

Основаніе общества и первое время его существованія.

„Начати же ся тѣи пѣсни по были-
намъ сего времени, а не по замысле-
нію Бояню.“ Сл. о П. Иг.

Было время — и оно было такъ недавно: оно еще такъ свѣжо въ памяти большей части рижанъ, — когда не только пріѣзжавшіе сюда иностранцы и Русскіе, не только мѣстные иноплеменные уроженцы Прибалтійскаго края, но даже и сами Русскіе, родившіеся и состарѣвшіеся здѣсь, не признавали существованія въ Ригѣ русскаго общества.

И они были правы: общественной русской жизни здѣсь дѣйствительно не было. Жили Русскіе разрозненно: или блуждая въ отдѣльности, какъ кометы, не принадлежащія ни къ какой системѣ, и переходя отъ одного иноплеменнаго общества къ другому, или же каждый со своимъ родомъ, почивая въ мирномъ невѣдѣніи всего, что творится внѣ ихъ семейной сферы и не желая знать ни о чемъ и ни о комъ. Не мудрено поэтому, что и о нихъ никто не зналъ, что и о нихъ никто и вѣдать не хотѣлъ.

Но вотъ въ 1862 году исполнилось тысячелѣтіе Россіи — и все пришло въ движеніе; движеніе это сообщилось и Прибалтійскому краю: раздался живой, полный горячей любви ко всему родному голосъ Семена Николаевича Шафранова — и пробудилъ всѣхъ къ дѣятельности.

Вотъ что читаемъ мы въ лѣтописи „Баяна“ за ноябрь 1862 года.

„Старшій учитель русскаго языка Рижской гимназій Коллежскій Совѣтникъ Семень Николаевичъ Шафрановъ подалъ мысль учредить въ Ригѣ мужское русское общество пѣнія.

Рижскій купецъ Евтихій Яковлевичъ Осиповъ, принявъ близко къ сердцу благоую мысль, сдѣлалъ въ воскресенье 14 октября въ собствен-

номъ домъ собраніе желающихъ такового учрежденія. На собраніе явилось 12 человекъ и положили начало пѣнію двумя общезвѣстными пѣснями: „Среди долины ровныя“ и „Я вечеръ въ лугахъ гуляла“.

Въ слѣдующее воскресенье — на второе собраніе — желающихъ участвовать въ основаніи общества пѣнія явилось еще болѣе. Приглашенъ былъ учитель пѣнія, который и распредѣлилъ голоса пѣвцовъ.

Въ третье собраніе обсуждался только-что составленный уставъ общества, и оно приняло имя древняго пѣвца Баяна.

Въ декабрь члены общества приступили къ изученію духовной музыки и во второй день праздника Рождества Христова уже пѣли литургію въ церкви Алексѣя Божія Человѣка.

Въ январѣ 1863 года положено было начало упражненіямъ въ декламациі: С. Н. Шафрановъ продекламировалъ одно изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній Пушкина.

Въ томъ же январѣ общество простилось со своимъ любимымъ членомъ-основателемъ С. Н. Шафрановымъ, отъѣзжавшимъ въ С. Петербургъ для занятія должности инспектора казенныхъ училищъ: на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему „Баяномъ“, было до 180 человекъ.

Его высокопреосвященство архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, ходатайствовалъ объ утвержденіи правъ вновь возникающаго русскаго общества и, по возвращеніи въ Ригу, въ іюнь 1863 года пожелалъ видѣть и слышать пѣвцовъ „Баяна“. Согласно желанію архипастыря, общество пѣло въ церкви Алексѣя Божія Человѣка божественную литургію. Высокопреосвященный остался весьма доволенъ исполненіемъ и, благословляя общество, выразилъ ему свое искреннее сочувствіе. Вотъ подлинныя слова архипастыря:

„Возлюбленныя братія и чада!“

„Я слышалъ въ прошломъ году, что, при празднованіи тысячелѣтія Россіи, пробудился въ васъ русскій духъ и выразилъ себя въ желаніи основать разныя учрежденія, полезныя для русскихъ жителей сего города; я слышалъ это — и радовался, какъ соотчичъ и архипастырь вашъ: а нынѣ, когда самъ увидѣлъ послѣдствія онаго учрежденія вашего, слышалъ въ семъ храмѣ стройное пѣніе общества, сугубо радуюсь и благодарю Бога, что онъ благословилъ успѣхомъ благія ваши предпріятія.

„Образованіе, въ чемъ бы оно ни состояло — въ наукахъ, искусствахъ или художествахъ — весьма полезно, братія, по тому, что обогащаетъ насъ различными познаніями, очищаетъ нашъ вкусъ, смягчаетъ нравы, облагораживаетъ насъ. Поэтому желательно, чтобы въ Русскіе какъ можно болѣе и болѣе образовывались на пользу себѣ и отечеству;

но въ особенности это нужно тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ въ такомъ городѣ, какъ Рига, и среди такого инороднаго населенія, которое считается образованнѣйшимъ. . . .

„Итакъ не ослабѣвайте, братія, въ развитіи и поддержаніи тѣхъ полезныхъ учрежденій, которымъ вы положили начало, но усердно старайтесь расширять и совершенствовать оныя. Не жалѣйте для сего ни трудовъ ни денегъ вашихъ, ибо все, что вы пожертвуете на такія учрежденія, все это съ избыткомъ вознаградится тою пользою, которую они принесутъ вамъ и дѣтямъ вашимъ, тою благодарностью, которою воздастъ вамъ потомство и тѣмъ благословіемъ, которое ниспослетъ вамъ Господь, какъ я благоговѣю васъ нынѣ за доброе дѣло ваше.“

„А кто не радить о томъ, что потребно для него и согражданъ его, кто жалѣетъ копѣйки на полезныя для Русскихъ учрежденія и не хочетъ участвовать въ нихъ вмѣстѣ съ соотчичами, того нельзя похвалить, тотъ плохой сынъ отечества, не достоинъ имени Русскаго.“

Такое привѣтствіе любимаго архипастыря глубоко тронуло сердца слушателей и сильно ободрило вновь возникающее общество, которое въ Ивановъ день — 24 іюня — отправилось на архіерейскую дачу благодарить высокопреосвященнаго. Въ этой поѣздкѣ, съ хоромъ военной музыки, принимали участіе 100 человекъ.

Незадолго предъ тѣмъ — 7 іюня — былъ полученъ уставъ „Баяна“, утвержденный г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

14 іюля происходило торжество открытія общества въ Царскомъ саду въ домѣ военнаго генералъ-губернатора. Вотъ краткое описаніе этого торжества:

„Къ 2 часамъ по-полудни члены общества, со значками его на груди, и гости собрались въ церковь Св. Алексѣя Божія Человѣка. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ. Всѣхъ участниковъ торжества, по выходѣ ихъ изъ церкви, встрѣтилъ хоръ военной музыки. За тѣмъ началось шествіе въ рядъ попарно. Впереди ѣхали верхомъ жандармы; за ними четыре маршала (А. С. Л.; Я. В. С.; Ф. А. Р. и Н. С. Ш.); далѣе хоръ музыки; за нею два маршала (П. А. М. и А. М. М.); потомъ четыре представителя общества (Е. Я. О.; Ф. В. Г.; Н. А. Р. и, вмѣсто отсутствовавшего по болѣзни А. А. Т., профессоръ М. М. Д.). За представителями шли: знаменосецъ К. А. Д. и по сторонамъ его два намѣстника: Н. И. Б. и Е. И. С. За ними — прочіе члены общества и гости. Шествіе заключали четыре маршала (М. Я. В.; І. Ф. З.; Е. А. К. и Н. А. Л.) Маршалы отличались отъ прочихъ членовъ тѣмъ, что на плечѣ ихъ была лента того же цвѣта, что и на значкахъ.

„Дошедши до дома Е. Я. Осипова, представители, знаменосецъ и два его намѣстника вошли въ домъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратились со знаменемъ, которое всѣ присутствовавшіе провѣтствовали единодушнымъ „ура!“

„Ровно въ 3 часа отправились отсюда тѣмъ же порядкомъ къ назначенному мѣсту. Дорогою музыка играла непрерывно. Многочисленная публика сопровождала шествіе до самага сада. Въ 3 ч. 45 м. прибыли на мѣсто. Въ 4 1/2 начался обѣдъ. Послѣ нѣсколькихъ блюдъ, члены-пѣвцы приступили къ исполненію музыкально-литературной программы. Затѣмъ начались тосты. Первый тостъ былъ провозглашенъ представителемъ общества Е. Я. Осиповымъ за Государя Императора, послѣ чего пѣвцами пропѣтъ гимнъ „Боже, Царя храни!“ Второй тостъ — за Государыню Императрицу, Государя Наслѣдника и весь Царствующій Домъ. Далѣе слѣдовали тосты за высокопоставленныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ словомъ и дѣломъ возникновенію „Баяна“ и, наконецъ, — за процвѣтаніе „Баяна“. Здѣсь же читано первое привѣтственное письмо „Баяну“ отъ С. Н. Шафранова:

„Друзья мои и товарищи по баянству!“ (пишетъ онъ). „Хоть не привелъ меня Богъ праздновать съ вами самолично открытіе нашего братскаго союза, но мыслію и сердцемъ этотъ день я весь, безраздѣльно пребываю среди васъ, мои милые, незабвенные!“

„Радуйтесь и веселитесь, что повѣялъ зиждительный духъ Божій на раздѣшенные члены великаго русскаго тѣла, и вотъ они нерушимо сростаются, красотою облакаются, на радость себѣ, на веселье своимъ, на зависть чужимъ. Радуйтесь и веселитесь, что вы теперь истые русскіе люди не по тому только, что отъ русскихъ людей уродились и по русскому окрестились, но и потому, что вы возростили и выщѣтили въ себѣ одно изъ прекраснѣйшихъ качествъ русской породы людей — пѣнолюбивость!“

Далѣе С. Н. Шафрановъ дѣлаетъ краткую характеристику русскихъ пѣсень, въ которыхъ — по его выраженію — „звучитъ русская душа, удалая, многолюбящая, горемычная, всевыносчивая“; затѣмъ слѣдуетъ характеристика русскаго слова и въ заключеніе, провозглашая тостъ „за здоровье баянцевъ“, С. Н. говоритъ: „Живи, Баянъ, весело, пой ладно, говори складно — живи припѣваючи!“

Пріятно вспомнить и повторить такія слова и черезъ 10 лѣтъ!

Въ письмѣ Семена Николаевича останавливаютъ вниманіе наше неологизмы: „баянство“ „баянецъ“. Такіе неологизмы встрѣчаются нерѣдко съ самага начала и во все продолженіе лѣтописи: кромѣ вышеприведенныхъ, находимъ еще: „баянникъ“, „баянствовать“, „собаянникъ“. Подобные

неологизмы слышатся здѣсь и въ разговорной рѣчи: „Баянинъ вы или ладистъ?“ спрашиваютъ здѣсь иногда. Вопросъ этотъ въ переложеніи на всероссійскій языкъ выразится слѣдующимъ образомъ: „Къ какому изъ двухъ обществъ принадлежите вы — къ „Баяну“ или къ „Ладо“? Нельзя не признать, что эти неологизмы составлены весьма удачно, мѣтко; что они вполнѣ согласны съ духомъ языка; что они не придуманы, а явились какъ бы сами собою.

За письмомъ С. Н. Шафранова слѣдовали рѣчи: цензора ст. сов. К. А. Александрова, учителя П. В. Занцевича и профессора М. М. Дрекслера.

„Когда смерклось, весь домъ былъ иллюминированъ, а въ саду зажжены фейерверкъ. Среди сада красовался ярко освѣщенный транспарантъ съ изображеніемъ древняго Баяна, перебирающаго струны. Не подалеку отъ него ярко горѣлъ вензель Ихъ Императорскихъ Величествъ.

„Въ десять часовъ всѣ стали собираться домой. Съ разноцвѣтными фонарями и съ музыкой вошли всѣ ровно въ 11 часовъ въ городъ, и здѣсь, передъ домомъ гражданскаго губернатора фонъ Эттингена, столь много содѣйствовавшаго образованію общества, пропѣли многолѣтіе. Г. фонъ Эттингенъ выразилъ обществу свою благодарность и затѣмъ, проводивши знамя въ домъ Е. Я. Осипова, гдѣ оно и должно было храниться до поры — до времени, всѣ разошлись по домамъ.“

Вотъ какъ праздновалъ „Баянъ“ свое открытіе десять лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ образовалось наше любезное общество — первое по времени русское общество пѣнія и изящнаго говоренія въ Россіи. Вотъ съ чего началось оно, оправдывая на себѣ притчу о зернѣ горюшечнѣ, которое бываетъ самымъ малымъ зернышкомъ, но изъ котораго вырастаетъ огромнѣйшее дерево, и „витаютъ птицы подъ сѣнію его!“

Нельзя не порадоваться возникновенію подобнаго общества. Возникновеніе это показываетъ намъ, сколько непочатыхъ силъ кроется въ груди нашего народа, которыя ждутъ только пробудителя, подобнаго С. Н. Шафранову, и ревнителей, подобныхъ Е. Я. Осипову, готовыхъ воспринять и осуществить благую мысль, искренно привѣтствуя пробужденіе*).

Но не всѣ русскіе рижане отнеслись сочувственно къ пробужденію русскаго общества: иные отнеслись къ нему недовѣрчиво, другіе — безучастно, третьи — съ полнымъ убѣжденіемъ, что изо всего этого шума не выйдетъ ничего; многіе отнеслись даже враждебно, какъ къ чему — то непріятно нарушающему ихъ обыкновенный строй жизни.

*) Имена учредителей общества, подписанныя подъ уставомъ его: А. Г. Камаринъ, Е. Я. Осиповъ, П. С. Фуфаевъ, А. А. Теренковъ, А. Нероновъ, С. П. Маяковъ, Л. Ф. Заверткинъ, П. А. Макаровъ, Н. М. Наумовъ.

Лѣтописи „Баяна“ полны доказательствами на все вышесказанное.

Такъ, въ іюнѣ 1863 г. на празднествѣ открытія „Баяна“ въ рѣчи одного изъ участниковъ торжества (М. М. Дрекслера) говорится, что многіе Русскіе не сочувствуютъ образованію общества пѣнія, обвиняя его въ подражательности и не обращая вниманія на то, что подражательность у насъ если и есть, то не въ содержаніи, а только въ формѣ.

„Что же у насъ подражательнаго?“ (говоритъ М. М. Дрекслеръ) „то ли, что мы соединились въ одно общество? Но общественность не есть принадлежность одной какой-нибудь націи, а есть общечеловѣческое состояніе, есть общая форма жизни, необходимо требуемая человѣческой природою для ея развитія и достиженія цѣли ея; — то ли, что мы устраиваемъ собранія, имѣющія внѣшній торжественный видъ, имѣемъ опредѣленные значки своего общества и тому подобныя внѣшнія формы? Но формы нашего общества, при всемъ ихъ, по видимому, подражательномъ характерѣ, имѣютъ свое существенное отличіе, соотвѣтствующее духу нашего общества. И ужели то подражаніе можетъ быть названо въ собственномъ смыслѣ подражаніемъ, которое ограничивается сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ внѣшней формы? Важнѣе всего духъ, внутренняя жизнь, внутреннее направленіе и внутренній характеръ общества. Кто же скажетъ, что у насъ не русскій духъ и не русское направленіе? кто докажетъ, что мы стремимся къ антирусскому?“

Въ рѣчи другаго члена (М. И. Пирогова) въ ноябрѣ 1868 г. говорится: „Общество „Баянъ“ было, при своемъ образованіи, встрѣчено болѣе недовѣрчиво, чѣмъ встрѣчалось какое-либо изъ нашихъ русскихъ обществъ въ началѣ 60-хъ годовъ . . . Русское общество пѣнія! смѣшно право! . . . Будьте увѣрены, что изъ этого общества не можетъ быть никакого толку!“

Такая недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и къ прочности своихъ учрежденій слышится во все время существованія русскаго общества. Даже когда кромѣ „Баяна“, вполне сформировались „Ладо“ и „Русская Ремесленная Артель“, гг. скептики не хотѣли вѣрить очамъ и ушамъ своимъ и полезную дѣятельность ихъ ограничили одною увеседительною стороною, формулировавъ свое мнѣніе о ней въ слѣдующей фразѣ: „Артель“ скачетъ, „Ладо“ пляшетъ, „Баянъ“ пѣсенки поетъ“.

При такомъ неблагопріятномъ настроеніи соотечественниковъ, много труда стоило обществу сформироваться, много борьбы вынести, много горькихъ минутъ пережить прежде, нежели вкусить сладкаго плода своей многотрудной дѣятельности. Но не будемъ говорить объ этихъ горькихъ минутахъ, не будемъ омрачать торжественнаго дня печальными воспомина-

ніями, — будемъ только помнить, что, благодаря енергіи лицъ, сочувствующихъ національными дѣлу, начатому съ такими трудностями, общество наше, бывшее еще такъ недавно близкимъ къ паденію по малому числу членовъ, его составлявшихъ, не только уцѣлѣло и продолжаетъ существовать, но и видимо растетъ и совершенствуется, и въ нынѣшнемъ году считаетъ въ составъ своемъ такъ много членовъ, какъ еще не было за все время со дня его основанія.

До 1864 года общество наше помѣщалось сперва преимущественно у Е. Я. Осипова, даваго ему радушный пріютъ, а потомъ въ наемной квартирѣ, вмѣстѣ съ Rigaer Männer-Gesang-Verein; но въ январѣ 1864 года оно получило для себя навсегда помѣщеніе въ домъ акціонернаго общества „Улей“, гдѣ и можетъ оставаться до прекращенія существованія, какъ своего, такъ и послѣдняго общества.

9 января 1865 г. общество удостоилось лестнаго отзыва г. рижскаго военнаго генераль-губернатора Его Сіятельства Графа Петра Андреевича Шувалова.

Въ декабрѣ того же года общество почтиль своимъ посѣщеніемъ командированный г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Остзейскій край по особымъ порученіямъ Тайный Совѣтникъ Могилянскій, сопровождаемый С. Н. Шафрановымъ. Исполненіе пѣвцовъ „Баяна“ вызвало похвалы высокопоставленнаго посѣтителя.

11 августа 1866 г. „Баянъ“ намѣревался принести серенаду Его Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, по случаю пріѣзда его въ Ригу, но опоздалъ: другія пѣвческія общества предупредили его, и „Баянъ“ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ.... Узнавъ объ этомъ на другой день, Великій Князь, отъѣзжая, пожелалъ видѣть представителей „Баяна“ и выразилъ черезъ нихъ обществу свою благодарность, о чемъ въ свое время и было объявлено въ мѣстныхъ газетахъ.

9 февраля 1867 г. акціонернымъ обществомъ „Улей“ предоставлены „Баяну“ неограниченныя права въ пользованіи отведеннымъ для него помѣщеніемъ. Тѣмъ же помѣщеніемъ пользовалось и дамское музыкально-литературное общество „Ладо“.

Но трудно исчислить все грустныя и свѣтлыя минуты, пережитыя „Баяномъ“; скажемъ только, что онъ своею безкорыстною дѣятельностью на пользу общую, соединенною часто съ самопожертвованіемъ, вполне заслужилъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, какія выпадали на его долю.

Но самую свѣтлую, самую незабвенную минутою для него была та, когда онъ удостоился высокаго вниманія и благодарности Его Величества нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

13 іюня 1867 года получена „Баяномъ“ Высочайшая благодарность за привѣтственную телеграмму, посланную имъ 27 мая Императору въ Парижъ, по полученіи извѣстія о покушеніи на жизнь Его Величества.

Вотъ эта телеграмма:

A Sa Majesté Imperiale Alexandre II. Empereure des toutes les Russies. Paris.

La société de chant russe le Baian à Riga dépose aux pieds de Votre auguste Majesté ses sentiments d'allegresse au sujet d'heureuse délivrance du criminel attentat commis sur la vie si chère à tous ses sujets. Le conseil de la société „Baian“

А вотъ и отвѣтъ на нее:

„Государь Императоръ вслѣдствіе полученной отъ Рижскаго Общества пѣнія „Баянъ“ телеграммы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ радости по случаю отвращенія Божиимъ промысломъ угрожавшей Его Величеству опасности, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить за выраженные чувства благодарность Его Величества.“

„О таковой Высочайшей волѣ, сообщенной мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, имѣю честь увѣдомить общество пѣнія „Баянъ“.

Подлинное подписалъ губернаторъ Эттингенъ.

14 іюля того же года „Баянъ“ лично привѣтствовалъ Государя Императора, посѣтившаго Ригу. Послѣ привѣтственнаго пѣнія, отъ „Баяна“ имѣли счастье представиться Его Величеству депутаты В. П. Пименовъ и А. М. Меньковичъ. Его Величество всемилостивѣйше благодарилъ представленныхъ г. Вильмомъ депутатовъ четырехъ нѣмецкихъ и одного русскаго общества за привѣтъ и потомъ вторично депутатовъ „Баяна“ за поздравительную телеграмму въ маѣ въ Парижъ.

Вотъ, Мм. Гг., какія свѣтлыя минуты приходилось переживать „Баяну“ въ истекшемъ десятилѣтіи. Краткій очеркъ ихъ убѣждаетъ насъ, что во все десятилѣтіе была за насъ симпатія всѣхъ благонамѣренныхъ и благомыслящихъ людей, — а этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы побудить насъ забыть всѣ невзгоды и съ бодрымъ духомъ, преодолевая всѣ препятствія, неуклонно стремиться къ предположенной цѣли.

II.

Художественно-образовательная, патриотическая и благотворительная дѣятельность „Баяна“.

Omne tulit punctum,
Qui miscuit utile dulci. Hor.

Между всѣми искусствами, служащими къ развитію эстетическаго чувства въ человѣкѣ, первое мѣсто занимаетъ музыка. Будучи „языкомъ сердца“, она дѣйствуетъ прямо на сердце, смягчаетъ его и дѣлаетъ болѣе воспримчивымъ ко всему прекрасному. Такъ смотрѣли на нее древніе Ассирійцы, полагая ее въ основу общаго образованія; такъ смотрятъ на нее и современные образованнѣйшіе народы. У Германцевъ музыка занимаетъ самое видное мѣсто между общеобразовательными предметами и въ нѣмецкихъ школахъ не проходитъ дня безъ упражненій въ пѣніи. Но, какъ и прочія искусства, музыка каждаго народа носитъ на себѣ свои національныя особенности, отличается большею или меньшею оригинальностью. Эта оригинальность сохранилась у Русскаго народа болѣе, чѣмъ у кого-либо другаго не только въ народныхъ произведеніяхъ, но и въ твореніяхъ нашихъ лучшихъ національныхъ композиторовъ.

До возникновенія „Баяна“, въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ даже разговорное русское слово слышится такъ рѣдко, еще рѣже удавалось слышать родные звуки въ пѣніи; художественное же исполненіе родной пѣсни не слышалось вовсе. Не только произведенія, но и имена извѣстнѣйшихъ композиторовъ русскихъ до „Баяна“ были извѣстны здѣсь только по наслышкѣ: если жъ и приходилось слышать какое-либо изъ музыкальныхъ произведеній, то оно казалось чуждымъ: здѣшніе Русскіе, свыкаясь съ иноземною музыкою, отвыкали отъ родной мелодіи: она становилась для нихъ

непонятною. Но, съ возникновеніемъ „Баяна“, началось изученіе родной музыки — и непонятное для многихъ сдѣлалось понятнымъ, казавшееся чуждымъ вновь стало роднымъ, — и заблудшія овцы вновь возвратились въ отчее лоно.

Приведу здѣсь слово бывшего рижскаго цензора ст. сов. К. А. Александрова, о которомъ общество наше постоянно сохраняетъ благодарное воспоминаніе. Вотъ эти слова, сказанныя имъ за десять лѣтъ предъ симъ на торжествѣ открытія „Баяна“:

„Естественно, что каждый народъ сочувствуетъ всего болѣе роднымъ мелодіямъ; прекрасное чужое не можетъ не нравиться, но свое собственное прекрасное доходитъ ближе къ сердцу. Только тотъ предпочитаетъ прекрасное чужое своему прекрасному, кто не имѣлъ случая напитаться звуками родныхъ мелодій.

„До сихъ поръ мы здѣсь могли прислушиваться только къ безыскусственнымъ, часто грубымъ пѣснямъ простаго народа; частенько слышимъ ихъ изъ устъ людей пьяныхъ или полупьяныхъ.

„Вамъ, господа, принадлежитъ честь и слава дать намъ возможность послушать русскихъ мелодій въ ихъ настоящемъ достоинствѣ: вы не дадите Русскимъ отчуждаться отъ родныхъ мелодій“.

Нельзя не сказать „Баяну“ искренняго спасибо за такую услугу; нельзя не сказать ему „спасибо“ уже за одно то, что молодые люди, собираясь на спѣвки, проводятъ вечера пріятно и полезно — и едва ли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ могли бы они проводить ихъ съ большею пользою.

„Баянъ“ даетъ имъ прекрасное средство развивать и образовывать свои таланты. Чѣмъ благопріятнѣе почва для развитія таланта, тѣмъ это развитіе полнѣе и естественнѣе. Часто гибнутъ таланты безслѣдно только за отсутствіемъ почвы для ихъ развитія. Пушкинъ навѣрно не могъ бы быть „Пушкинымъ“, если бы ему суждено было родиться и провести жизнь между самоѣдами или краснокожими индѣйцами.

Изучая родную пѣсню, пѣвцы „Баяна“ изучаютъ духъ родины. Въ пѣснѣ живетъ духъ народа, высказывающійся не въ однихъ словахъ ея, но и въ мелодіи, которая конкретно соединяется съ первыми, составляя одно нераздѣльное пѣтое слово.

Слова народной русской пѣсни, взятая въ отдѣльности, часто не заключаютъ въ себѣ ничего, говорящаго уму и сердцу; они нерѣдко даже лишены смысла и извѣстны только по своему напѣву. Чѣмъ, напр., могутъ сказаться уму и сердцу проговоренныя слова; „Не одна во полѣ дороженька пролежала?“ — рѣшительно ничѣмъ! но какой глубокой смыслъ получаютъ тѣ же процѣтыя слова!

Слова пѣсни нерѣдко забываются или искажаются, а мелодія ихъ переходитъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, и доходитъ до отдаленнѣйшихъ потомковъ такую же свѣжую, неискаженную какою явилась въ минуту творчества. Мелодія — хранительница словъ — только благодаря ей, нерѣдко сохраняются слова пѣсни. Часто, чтобы припомнить послѣдніе, необходимо припомнить сперва напѣвъ ихъ. Такъ, извѣстная писательница наша г-жа Кохановская въ прошлогоднемъ письмѣ къ Ив. С. Аксакову, по случаю открытія въ Москвѣ общества любителей русскаго народнаго пѣнія, говоритъ: „Сама я ни малѣйше не музыкантша и въ свою жизнь положительно не спѣла ни одной пѣсни. Но я изумлялась музыкальной памяти матушки, изумлялась непостижимому сходству голоса и словъ пѣсни. Чтобы вспомнить слова какой бы то ни было позабытой пѣсни, матушка непременно должна была прежде вспомнить ея голосъ. На моихъ глазахъ она начинала понемногу мурлыкать, налаживать тоны и переливъ какого-нибудь отрывочно сохранившагося въ памяти напѣва, и вдругъ — съ полнымъ овладѣніемъ голоса пѣсни — забытыя слова, какимъ то чудомъ воскресенія, начинали сами собою сказываться въ живомъ, льющемся звукѣ, и народная пѣсня вылетала изъ устъ народнаго творчества, какъ косатая ласточка, вся оперенная въ звуки единнаго нераздѣльнаго пѣтаго слова.“

Изучая родныя мелодіи, — повторяю — мы изучаемъ духъ родины и чѣмъ болѣе знакомимся съ нимъ, тѣмъ тѣснѣйшими узами соединяемся съ ней: мы тогда живѣе чувствуемъ свое родство съ родиной, — что насъ оживляетъ тотъ же духъ, что и родину нашу, — что сердце наше бьется тѣмъ же, чѣмъ бьется и сердце роднаго русскаго народа на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества.

Здѣсь же считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о духовной музыкѣ.

Русскій народъ, отличаясь религіозностью и заботливостью о благолѣпнѣйшихъ храмовъ, любитъ стройное церковное пѣніе, возбуждающее благоговѣніе. „Баянъ“ отозвался и на это требованіе. Такъ, уже съ самаго начала существованія общества „Баяне“ начинаютъ изучать духовную музыку, и въ 1863 году на второй день свѣтлаго праздника поютъ въ церкви обѣдню. 16 іюня того же года „Баянъ“ также поетъ обѣдню и — какъ сказано выше — удостоивается одобренія Архіепископа Платона. 13 августа прошлаго года, отправляясь въ Дуббельнъ, пѣвцы „Баяна“ поютъ „Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ“, затѣмъ въ Дуббельнѣ обѣдню, и наконецъ, передъ обѣдомъ — „Отче нашъ“.

Въ нынѣшнемъ году на первой недѣлѣ поста въ воскресенье баяне пѣли обѣдню въ Замковой церкви Успенія Божіей Матери — и заслужили

лестнаго отзыва присутствовавшихъ въ то время въ церкви извѣстныхъ артистовъ: примадонны Императорской С.-Петербургской русской оперы А. Г. Меньшиковой и извѣстнаго пѣвца перваго тенора А. Н. Николаева.

Баяне исполняли нерѣдко панихиды и отпѣваніе по своихъ усопшихъ собратьяхъ.

Вотъ, М. Г., краткій очеркъ пѣвческой дѣятельности „Баяна“. Нельзя не пожелать ему еще большаго и лучшаго развитія этой дѣятельности и уничтоженія тѣхъ препятствій, которыя нерѣдко тормозили ее. Совершенствованіе пѣвцовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ учителя пѣнія — руководителя общества. Если онъ вполне преданъ своему дѣлу, если онъ сочувствуетъ русской музыкѣ, если любитъ и понимаетъ ее, то онъ можетъ и въ другихъ возбудить сочувствіе и любовь къ ней, и другимъ внушить ея пониманіе. Нельзя не вспомнить при этомъ словъ бывшаго руководителя „Баяна“ Франца Венчеславича Гофбауера, знатока своего дѣла и артиста по призванію, оказавшаго обществу столько незабвенныхъ услугъ. Вотъ эти слова изъ рѣчи его въ сентябрѣ 1865 года:

„Учитель вашъ долженъ обладать не только теоретическимъ знаніемъ музыки, но долженъ узнать и исторію Россіи — въ особенности что относится до русской природы и литературы по части искусствъ и музыки. Ежели вы нашли такого, который умѣетъ оцѣнить вашу національность и умѣетъ защитить оную отъ вліянія постороннихъ начальныхъ основаній, то такого учителя должно цѣнить высоко.“

Что касается до второй задачи общества — „изящнаго говоренія“, — то оно играло второстепенную роль и являлось или въ видѣ рѣчей, касающихся общихъ вопросовъ въ области искусства или, такъ сказать, домашнихъ дѣлъ общества, — или въ видѣ юбилейной рѣчей, или въ декламациі извѣстнѣйшихъ литературныхъ произведеній, или же, наконецъ, исполнялись небольшія легкія сцены изъ народнаго и общественнаго быта. Желательно, чтобы съ новымъ десятилѣтіемъ было обращено побольше вниманія на эту сторону дѣятельности, чтобы „изящное говореніе“*) шло съ пѣніемъ рука-объ-руку и кромѣ художественной имѣло также и образовательную цѣль, — чтобы оно не только удовлетворяло требованіямъ минуты, какъ благородное развлеченіе, но включало въ себѣ и серьезное направленіе — въ видѣ публичныхъ чтеній по разнымъ отраслямъ знанія и въ особенности по словесности. Разработка этого вопроса представляетъ особенный интересъ для Прибалтійскаго края, гдѣ Русскимъ рѣдко приходится

*) Нельзя не сознаться, что выраженіе это звучитъ странно для непривычнаго къ нему уха; но нельзя также не признать, что оно есть въ своемъ родѣ также удачный неологизмъ: всякое другое выраженіе или тѣснѣе или шире его по объему.

слышать живое русское слово, какъ проводникъ идеи, — то слово, которое такъ мѣтко характеризовалъ Гоголь немногими словами: „Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаниемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ шеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣйливо придумаетъ свое умнохудощавое слово Нѣмецъ, но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.“

Перейдемъ теперь къ національной, патріотической и благотворительной дѣятельности „Баяна.“

Изящныя искусства самое могущественное средство къ пробужденію народовъ отъ квіетизма, въ собственномъ значеніи слова. Такъ смотрятъ на нихъ лучшіе современные мыслители; такъ смотрѣлъ на него и величайшій изъ германскихъ поэтовъ, почти современный намъ († 1856), поэтъ-реалистъ, положившій конецъ казавшемуся безконечнымъ спору Шиллера и Гёте „за вѣнокъ“ — я говорю о Гейне. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ прямо называетъ себя барабанщикомъ..... „Это говорится о поэзіи; но то же самое можно примѣнить и къ музыкѣ. Едва ли какое-либо другое искусство способно такъ пробуждать народный духъ и вызывать патріотическія стремленія, какъ музыка. Вспомнимъ только Пиндара, Тиртея, рапсодовъ, бардовъ, скальдовъ, менестрелей, пѣвца Роландова и нашего вѣщаго „Баяна“, воспѣвавшего славу и подвиги первыхъ князей — „Старога Ярослава, Храбраго Мстислава, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки косожьскими — краснаго Романа Святъславича“!

Вызванное къ жизни родными звуками, Рижское русское общество пѣнія и изящнаго говоренія снѣшитъ отзываться на всякое событіе, имѣющее для русскихъ рижанъ болѣе или менѣе важное значеніе. Пріѣздъ Государя Императора въ 1867 году, Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Феодоровны въ томъ же году, Великихъ Князей, высокопоставленныхъ лицъ — встрѣчается „Баяномъ“ привѣтствіями и серенадами. Въ ноябрѣ 1864 года собираются „Баяномъ“ пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ недавняго пожара на Московскомъ форштадтѣ. Въ февралѣ 1865 года „Баянъ“ устраиваетъ музыкально-литературную вечеринку съ цѣлью употребить часть сбора въ пользу открываемой въ Ригѣ Ломоносовской женской гимназіи. Затѣмъ „Баянъ“ принимаетъ нерѣдко дѣятельное участіе въ устройствѣ лотерей въ пользу русскаго благотворительнаго общества въ Ригѣ.

Но не на одни явленія въ жизни рижскаго русскаго общества отзывается „Баянъ“: онъ принимаетъ горячее участіе и въ событіяхъ, имѣющихъ значеніе и для цѣлой Россіи. Такъ, мы видѣли выше, что въ маѣ

1867 года „Баянъ“ спѣшитъ привѣтствовать Государя Императора по случаю избавленія его драгоцѣнной жизни отъ угрожавшей опасности. Въ июль 1867 года онъ посылаетъ поздравительную телеграмму Его Сіятельству Вице-Канцлеру князю Горчакову по случаю 50-лѣтняго юбилея его служебной дѣятельности. Въ томъ же году привѣтствуетъ телеграммою славянскихъ гостей въ Москвѣ. Въ мартъ 1868 года предлагаетъ устроить духовный концертъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Примѣру „Баяна“ слѣдуетъ „Ладо“, и въ апрѣль того же года устраиваетъ концертъ съ тою же цѣлью. „Баянъ“ принимаетъ въ этомъ концертѣ дѣятельное участіе.¹

Будучи жрецомъ роднаго искусства, „Баянъ“ отзывается сочувственно какъ на всѣ явленія въ области тоническаго искусства, какъ и на появленіе каждаго восходящаго свѣтила и вообще всего совершающагося въ его сферѣ, на сколько послѣдняя доступна „Баяну“. Такъ въ декабрѣ 1863 года на музыкально-литературной вечеринкѣ „Баяна“, вмѣстѣ съ „Ладо“, поетъ арію изъ „Жизни за Царя“ дѣвица А. П. Крутикова, знаменитая современная кантатриса. Въ маѣ 1864 года „Баянъ“ привѣтствуетъ телеграммою пражскоо общество пѣнія „Глаголь“ по случаѣ сѣзда въ Прагу на праздникъ общества пѣвцовъ со всѣхъ сторонъ Богеміи. 23 мая 1869 г. „Баянъ“ устраиваетъ вечеринку для пріема Императорскихъ Артистовъ Радонежскаго и Гордѣева, посѣтившихъ Ригу. Баяне пѣніемъ своимъ вызываютъ со стороны артистовъ искреннее одобреніе. Точно такъ же сочувственно отнеслись къ „Баяну“ и извѣстный артистъ А. Н. Николаевъ и любитель С. М. Лавровъ, посѣтившіе „Баянъ“ во время спѣвки вечеромъ 5 февраля текущаго года. Въ томъ же февралѣ „Баянъ“ встрѣчаетъ серенадою и привѣтственной рѣчью примадонну Императорской С. Петербургской русской оперы А. Г. Меньшикову, избираетъ ее своимъ почетнымъ членомъ, подноситъ ей въ концертъ роскошный букетъ съ серебрянымъ вѣнкомъ изящной работы и устраиваетъ для пріема ея чайный вечеръ.

Наконецъ „Баянъ“ не остается чуждымъ и къ явленіямъ вообще въ христіанскомъ мірѣ. Такъ въ октябрѣ 1867 года онъ собираетъ по подпискѣ 148 руб. въ пользу угнетаемыхъ Турками Критянъ, а 1 февраля 1869 г. собираетъ вновь значительную сумму въ пользу Кандіотовъ.

Такая дѣятельность „Баяна“ вызываетъ сочувствіе къ нему всѣхъ, кто знакомится съ нею, и это сочувствіе выражается не только невещественнымъ образомъ, но и матеріальными приношеніями. Такъ 11 февраля 1873 г. „Баянъ“ получилъ въ даръ отъ А. Г. Меньшиковой превосходный портретъ Глинки, рисованный извѣстнымъ академикомъ, — по сходству съ подлинникомъ единственный въ своемъ родѣ; другаго такого пор-

трета нѣтъ ни въ театрахъ, ни въ консерваторіяхъ, — нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ, а слѣдовательно и во всей Россіи. Кромѣ портрета, отъ А. Г. получена еще изящно переплетенна автобіографія Глинки. Въ то же время представителемъ общества, дѣятельному участию котораго оно обязано своимъ теперешнимъ процвѣтаніемъ, П. А. Макаровымъ, принесенъ въ даръ обществу серебряный капельмейстерскій жезль превосходной работы. Въ ноябрѣ 1864 года Ник. Ан. Панинъ приноситъ въ даръ „Баяну“ собранные и положенные имъ на музыку шведскія пѣсни и 14 квартетовъ. Въ маѣ 1866 г. Рейнгольдъ Дятловъ пишетъ стихи и музыку по случаю именинъ члена основателя и ревнителя общества Е. Я. Осипова. Въ прошломъ году Ф. В. Гюфбауеръ посвятилъ „Баяну“ двѣ кадрили для пѣнія изъ русскихъ пѣсенъ. Въ настоящее время обществу посвящается романсъ, на слова котораго музыка написана извѣстною виртуозкою В. В. Фабіанъ-Біанки*).

Нельзя не вспомнить съ благодарностію сочувствія „Баяну“ мѣстныхъ жителей А. К. Поповой, П. С. Попова, Ф. П. Попова и П. Е. Печаткиной, изъявившихъ въ августѣ 1869 года желаніе платить въ общество „Баянъ“ ежегодные взносы за четверыхъ недостаточныхъ пѣвцовъ.

Сочувствіе къ дѣятельности „Баяна“ слышится иногда въ мѣстностяхъ весьма, весьма отдаленныхъ. Такъ въ ноябрѣ 1867 года получено изъ Пятигорска письмо отъ капитана 15 драгунскаго тверскаго полка М. Волобанова, съ изъявленіемъ желанія поступить въ члены „Баяна“.

Дай Богъ, чтобы такое сочувствіе къ обществу росло и распространялось отъ моря и до моря, и, поощряя его къ дѣятельности, увеличивало бы и его матеріальныя средства и тѣмъ давало ему возможность легче достигать своихъ благородныхъ цѣлей. Дай Богъ, чтобы примѣръ „Баяна“ не оставался безъ подражанія; чтобы число обществъ, подобныхъ „Баяну“, съ каждымъ годомъ увеличивалось во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества

На красу роднаго края,

На мольбы у алтаря

За державу Государя,

Православнаго Царя!

*) См. прил. IX.

III.

Вызовъ „Баяномъ“ другихъ русскихъ обществъ къ дѣятельности. Отношенія „Баяна“ къ другимъ обществамъ. Взаимныя отношенія „Баяна“ и членовъ его.

„Ars longa, vita brevis“.... но жизнь выше искусства: искусство должно служить жизни.

Прекрасный примѣръ „Баяна“ не остался безъ подражанія. „Не подь нашимъ ли роднымъ звукомъ и словомъ,“ говорилъ въ 1869 году въ общемъ собраніи одинъ изъ членовъ „Баяна“ (М. И. Пироговъ), „не подь нашимъ ли роднымъ звукомъ и словомъ устроился давнымъ-давно необходимый въ Ригѣ русскій клубъ, музыкально-литературное общество „Ладо“ и домъ для призрѣнія бѣдныхъ русскихъ дѣтей?“

Въ 1864 г., благодаря просвѣщенной дѣятельности А. Д. Епинатьева, въ Ревелѣ — по примѣру „Баяна“ — основалось русское общество любителей пѣнія „Гусли“.

Три года имѣлъ я удовольствіе быть членомъ этого общества и имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ характеромъ его дѣятельности. Впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ него, навсегда останутся въ моей памяти. Представляя смѣшанный хоръ, оно — надобно сознаться — обладаетъ большими вокальными средствами, чѣмъ наше мужское общество, и въ мое время программа его была гораздо разнообразнѣе нашей: давала болѣе простора для чередованія: у насъ изъ наличныхъ голосовыхъ средствъ можно составить не болѣе, какъ три или четыре комбинаціи, въ „Гусяхъ“ же ихъ было нѣсколько, а именно: мужское соло, дамское соло, мужской дуэтъ, тріо, квартетъ и т. д.; дамскій дуэтъ, тріо, квартетъ и т. д.; смѣшанный дуэтъ, тріо, квартетъ и т. д.; мужской хоръ; дамскій хоръ; смѣшанный

хоръ. Такъ-что это давало возможность исполнять цѣлыя болѣе или менѣе значительныя сцены изъ оперъ. Особенно сильное впечатлѣніе на зрителей и слушателей — какъ помню — произвела костюмированная и декорированная сцена изъ оперы: „Наташа, или Волжскіе Разбойники“. Кромѣ чтеній, „Гуслями“ давались не рѣдко любительскіе спектакли не только въ занимаемомъ ими помѣщеніи, но и въ городскомъ театрѣ, и спектакли эти давали всегда полный сборъ. Подобныя предпріятія, при отдѣльномъ существованіи „Баяна“ и „Ладо“, не мыслимы. Это раздѣльное существованіе обществъ представляется тѣмъ болѣе неблагопріятнымъ, что репертуаръ нашъ и безъ того слишкомъ бѣденъ, такъ, напр., русскіе композиторы и по сіе время не написали и десятка хорошихъ квартетовъ для однихъ мужскихъ голосовъ.

Въ началѣ оба общества устраивали свои вечера сообща и нерѣдко бывали и смѣшанные хоры, но впослѣдствіи „Ладо“ уклонилось отъ первоначальной цѣли, образовавъ изъ себя нѣчто въ родѣ танцевальнаго клуба: танцы стали на первомъ планѣ и даже недавно юнкеръ Гольцъ посвятилъ „Ладо“ свою польку.

Такое раздѣленіе обществъ представляетъ весьма прискорбное явленіе въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Оно раздвояетъ силы и безъ того немногочисленнаго русскаго общества; оно служитъ ко взаимной невыгодѣ и вызываетъ нерѣдко антагонизмъ, не возбуждая соревнованія, такъ-какъ цѣли обществъ различныя. Будемъ надѣяться, что со временемъ оба общества опять сольются во-едино и дружно пойдутъ къ одной общей цѣли: *concordia res parvae crescunt, discordia — dilabuntur.*

Кромѣ „Гуслей“ въ Ревелѣ, по примѣру того же „Баяна“ и по инициативѣ того же С. Н. Шафранова, основалось пѣвческое общество при братствѣ св. Креста въ Саратовѣ.

Въ ноябрѣ 1868 г. оно шлетъ „Баяну“ привѣтъ. „Баянъ“ посылаетъ ему свои ноты, и 20 января 1869 г. пѣвческій союзъ, выражая свою признательность „Баяну“ за подарокъ, говоритъ, какъ послѣдній былъ полезенъ ему — обществу, еще неопытному, едва начинающему свое дѣло.

Въ письмѣ своемъ въ то же время С. Н. Шафрановъ называетъ саратовскій пѣвческій союзъ младшимъ братомъ „Баяна“: „онъ“ (говоритъ С. Н. Ш.) „пока что живъ моею грудью: въ день новаго года я его окрестилъ и вчерашняго дня на ноги пустил. Вчера 65 пѣвцовъ пѣли въ залѣ Дворянскаго собранія и доставили благотворительному союзу 557 руб.

Отношенія „Баяна“ къ Ревельскому обществу любителей пѣнія — „Гуслямъ“ — были постоянно самыя искреннія и дружественныя. „Гусли“, при основаніи своемъ, не имѣли нотъ, и „Баянъ“ не замедлилъ выслать

имъ своихъ, въ послѣдствіи „Гусли“ и „Баянъ“ не разъ обмѣнивались по-
тами. Въ мартѣ 1865 г. „Гусли“ спѣшатъ извѣстить „Баянъ“ объ утвер-
жденіи устава ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и затѣмъ ежегодно
„Гусли“ приглашаютъ „Баянъ“ и „Баянъ“ „Гусли“ на празднованіе своей
годовщины.

Въ ноябрѣ прошлаго года получено письмо изъ Ковно, съ просьбою
выслать на имя княгини Ольги Александровны Оболенской нотъ, литогра-
фированныхъ „Баяномъ“, для вновь образовавшагося въ Ковно русскаго
общества любителей и любительницъ пѣнія, — что и было исполнено при
первой возможности.

Перейдемъ теперь къ отношеніямъ „Баяна“ къ другимъ мѣстнымъ
пѣвческимъ обществамъ.

„Баянъ“ нерѣдко даетъ серевады высокопоставленнымъ лицамъ, посѣ-
щающимъ Ригу, вмѣстѣ съ другими — нѣмецкими пѣвческими обществами.
Такъ и въ послѣднее время онъ былъ приглашенъ ими для совмѣстной
встрѣчи Германскаго Императора въ Динабургъ; но предпріятіе это не ис-
полнилось по нѣкоторымъ причинамъ. Вмѣстѣ съ представителями нѣмецкихъ
пѣвческихъ обществъ представлялись Государю Императору и депутаты отъ
„Баяна“.

Въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ находился „Баянъ“ во все
время своего существованія къ Rigaer Männer-Gesang-Verein, съ кото-
рымъ долгое время пользовался однимъ общимъ помѣщеніемъ. Ниодно
празднованіе вышеназваннаго общества не обходилось безъ участія „Баяна“
и наоборотъ.

Здѣсь же считаю нелишнимъ сказать и объ отношеніяхъ „Баяна“ къ
другимъ русскимъ обществамъ.

Семейные вечера, даваемые клубомъ, нерѣдко начинались концертомъ
„Баяна“. Вначалѣ, пока не были строго опредѣлены права клуба, на по-
мѣщеніе, занимаемое „Баяномъ“, между обѣими обществами нерѣдко возни-
кали недоразумѣнія, но съ тѣхъ поръ, какъ права эти строго разграничены,
недоразумѣнія сами собою прекратились.

Также дружественны были отношенія „Баяна“ и къ „Рижской Русской
Ремесленной Артели“. „Баянъ“ нерѣдко участвовалъ въ празднованіи годов-
щины „Рижскаго Вспомогательнаго Общества Русскихъ Прикащиковъ“ —
пѣлъ на ней молебны; а также пѣлъ молебны и панихиды при освященіи
кладбища прикащиковъ. Нѣсколько разъ пѣлъ „Баянъ“ обѣдни по пригласе-
нію „Николаевскаго Купеческаго Общества“.

Перейдемъ теперь ко внутренней жизни общества, т. е. ко взаимному
отношенію членовъ и общества и членовъ между собою.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ простилось оно въ апрѣль 1867 года со своимъ покровителемъ Его Высокопреосвященствомъ Архіепископомъ Платономъ, получившимъ новую паству — архіепископство Донское и Новочеркасское. Послѣ прощальной серенады, одинъ изъ членовъ „Баяна“ (А. М. Меньковичъ) сказалъ Высокопреосвященному рѣчь отъ лица общества; въ рѣчи этой замѣчательны слѣдующія слова: „Все, что мы Русскіе имѣли общественнаго въ Ригѣ, устроеннаго въ послѣдніе три-четыре года, все это возникло при участіи Вашего Высокопреосвященства, и безъ участія Вашего не возникло ничто“. Въ мартѣ 1869 года проводилъ „Баянъ“ серенадою сочлена своего, дѣятельности котораго многимъ обязаны всѣ сограждане, старшаго полицеймейстера г. Козлова, навсегда покидавшаго Ригу. Съ особенною благодарностію вспоминаетъ общество наше о Е. Я. Осиповѣ, Ф. В. Гобфауерѣ и С. Н. Шафрановѣ, и 15 декабря прошлаго года избрало ихъ своими почетными членами.

Отношенія „Баяна“ къ С. Н. Шафранову не прерывались во все десятилѣтіе. Пріѣздъ его встрѣчался серенадами, а отъѣздъ — прощальными объѣдами и вечерами. Серенадами же привѣтствовали „Баянъ“ С. Н. Шафранова и въ день его ангела. Ежегодно, въ день празднованія годовщины, за здоровье Шафранова провозглашается тостъ и посылаются ему привѣтственныя телеграммы. Баяне вспоминаютъ о немъ постоянно, собираясь на сѣвки въ залъ, лучшимъ украшеніемъ котораго служитъ портретъ С. Н. Шафранова.

Въ отвѣтъ на привѣтственныя телеграммы общества отъ Шафранова получаютъ письма, проникнутыя чувствомъ живѣйшей преданности обществу и заботливости о судьбахъ его. Такъ 14 декабря 1869 г. Шафрановъ пишетъ, что его отъ любящихъ очей „Баяна“ не укрыли и костромскіе лѣса; онъ искренно сожалѣетъ о томъ, что не можетъ принять лично участіе въ торжествѣ; совѣтуетъ „Баяну“ мужественно бороться съ препятствіями и неуклонно стремиться къ своей цѣли; скорбитъ о тѣхъ трудностяхъ, какія приходится преодолевать „Баяну“ и въ заключеніе говоритъ, что въ гимназій учатся у него пѣть человѣкъ до 80 и въ другихъ школахъ до 200; что гимназисты поютъ въ домовой церкви на два хора, при непосредственномъ участіи какъ самого его, такъ и членовъ его семейства; что имя „Баяна“ стало извѣстнымъ и у нихъ; что „въ бурю, во грозу“ и другія молодецкія пѣсни баяновой перекладки раздаются въ школахъ и даже на улицѣ.

Ф. В. Гобфауеръ былъ любимѣйшимъ руководителемъ „Баяна“. Большая часть нотъ его переложенія и до сихъ поръ даютъ „Баяну“ обильнѣйшій матеріалъ для изученія.

„Баянъ“ относится сочувственно и дѣятельно и къ семейнымъ обстоятельствамъ жизни своихъ сочленовъ. Такъ онъ приноситъ серенады и подарки своимъ любимымъ членамъ именинникамъ. Наибольшая часть серенадъ и подарковъ приносится обществомъ Е. Я. Осипову, которому оно такъ много одолжено въ своемъ началѣ и въ домѣ котораго — какъ сказано выше — пріютилось оно, пока не имѣло собственнаго помѣщенія. Такъ уже въ 1863 г. принесены ему серенада, командорскій жезлъ, привѣтственная рѣчь и музыка; въ 1865 и 1866 гг., кромѣ серенадъ, — дорогіе альбомы съ карточками членовъ общества, стихами и музыкой. Не мало серенадъ принесено пѣвцами имениннику П. А. Макарову, неусыпной дѣятельности котораго такъ много одолжено общество особенно въ послѣднее время. Безъ его содѣйствія въ послѣднее время не предпринималось ничего, даже устройствомъ и нынѣшняго праздника одолжены мы ему преимущественно. Въ апрѣлѣ 1864 г. принесены серенада и подарки Ф. В. Гофбауеру. Въ юнѣ 1867 г. „Баянъ“ участвуетъ въ серебряной свадьбѣ одного изъ своихъ членовъ-основателей — Н. И. Назарова; въ ноябрѣ того же года подноситъ хлѣбъ-соль и чайныя ложки Н. Д. Трауготу по случаю его бракосочетанія. Въ январѣ 1869 г. поздравляетъ С. Н. Шафранова съ серебряною свадьбой. Въ маѣ 1870 приноситъ серенаду Н. А. Рудометову по случаю его бракосочетанія.

Наконецъ „Баянъ“ не забываетъ отдать и послѣдній долгъ своимъ сочленамъ. Такъ въ мартѣ 1863 года скончался членъ общества Ив. Гавр. Ксюнинъ. Баяне изучаютъ погребальное пѣніе и 10 го марта исполняютъ обѣдню и отпѣваніе; членъ „Баяна“ профессоръ М. М. Дрекслеръ говоритъ проповѣдь, а профессоръ С. А. Шаринъ надгробную рѣчь. Общество провожаетъ покойника до самаго кладбища. Точно такъ же общество отпѣваетъ и провожаетъ до кладбища въ 1865 году члена-пѣвца Н. А. Любезнова. 11 декабря 1868 г. „Баяне“ поютъ заупокойную обѣдню по случаю кончины своего сочлена И. А. Рудометова, а въ октябрѣ прошлаго года — панихиду по усопшемъ сочленѣ А. Ш. Рябининѣ.

Вотъ, Мм. Гг., очеркъ дѣятельности „Баяна“ за истекшее десятилѣтіе: онъ обнимаетъ собою только главные, наиболѣе характеристическіе моменты въ жизни его; болѣе подробный анализъ ея занялъ бы много мѣста и времени и не представлялъ бы общаго интереса. Въ заключеніе скажу только, что не одна дѣятельность „Баяна“ возбуждаетъ симпатію каждаго истинно-Русскаго, но даже и одно существованіе „Баяна“ на окраинѣ Россіи представляетъ уже весьма отрадное явленіе. Сплачивая воедино русскихъ рижанъ, оно даетъ имъ оффиціальное существованіе, и пріѣзжающіе сюда соотечественники наши бываютъ пріятно поражены, встрѣчая органи-

зованное русское общество тамъ, гдѣ и не предполагалось его существованія. —

Дай Богъ, чтобы общество наше, привлекая къ себѣ общее сочувствіе, росло, развивалось, крѣпло и словомъ, пѣсною, дѣломъ и примѣромъ служило на пользу нашего любезнаго отечества!

Застольная пѣсня.

Наполнивъ бокалы виномъ,
Забудемъ житейское горе
И въ славу „Баяна“ споемъ
Мы пѣсню въ торжественномъ хорѣ,
На честь и хвалу Россіянъ
Чтобъ пѣль онъ несчетные годы.

:| Да здравствуетъ рижскій „Баянъ“,
Да славится въ роды и роды! :|

Кипѣла славянская кровь,
Какъ струны Баяна звучали, —
И предки-Славяне любовь
Намъ къ пѣснѣ родной завѣщали....
А пѣснолюбивыхъ Славянъ
Не даромъ вѣдь чтили народы! —

:| Да здравствуетъ рижскій „Баянъ“,
Да славится въ роды и роды! :|

ПРИЛОЖЕНИЯ.

—*35*—

I.

Родные звуки.

Снова мнѣ слышится пѣсня родимая,
Снова мнѣ видится родина-мать.
Ты предо мной, моя нѣжно-любимая,
Ты предо мною опять.

Вонъ и равнина, снѣгами покрытая,
Саваномъ бѣлымъ сверкаетъ своимъ!
Вонъ и убитый казакъ подъ ракитою —
Кружитесь воронъ надъ нимъ!

Тянется пѣсня твоя заунывная,
Вдаль безотчетно зовя и маия; —
И возникаютъ видѣнія дивныя
Стройно въ душѣ у меня.

Пой же, родная, пой мнѣ про дѣтинушку,
Что на чужбинѣ сгубили враги,
Пой про „лучинушку“, пой про „дубинушку“,
Пой про „бѣлые снѣги!“

Выплачь тоску мнѣ свою безконечную
Въ пѣснѣ унылой своей, не молчи,
Выплачь.... и пѣсней своею сердечное
Горе свое облегчи!

II

Отчего съ такой тоскою,
 Такъ тревожно сердце бьется?
 Чу, „отъ моря и до моря“ *)
 Пѣсня дивная несется!

Звуки нѣжно, тихо льются,
 Слухъ лаская и лелѣя....
 Такъ не пѣли ни сирены,
 Ни надъ Рейномъ Лорелея.

Что въ ней, „что въ ней, въ этой пѣснѣ?
 Что зоветъ въ ней и рыдаетъ“,
 Проникаетъ прямо въ душу,
 Прямо за сердце хватаетъ?

Въ этой пѣснѣ безконечной
 „Что-то слышится родное“ :
 То приливъ тоски сердечной,
 „То разгулье удалое“.

Слышно въ ней, какъ „мать“ тоскуетъ
 „Надъ сыновнею могиллой“,
 И какъ жаворонокъ вьется
 „Надъ равниною унылой“....

Въ этой пѣснѣ, полной скорби,
 Узнаю тебя, родная,
 „Изъ прекраснаго далека“
 Образъ милый созерцаю.

Мать родная, Русь святая!
 Эту пѣсню ты пѣвала
 Надо мной, когда съ любовью
 Колыбель мою качала.

Этой пѣсни не заглушать
 Звуки чуждые, иные,
 Что отвсюду раздаются
 По окраинамъ Россіи:

*) Слова и выраженія, во вносныхъ знакахъ, принадлежать Гоголю, Пушкину и Некрасову.

Ни Моцарты, ни Россини,
 Ни романсы, ни кантаты,
 Ни творенья Мендельсона,
 Ни Бетговена сонаты. . . .

Не забуду этой пѣсни —
 Буду помнить до могилы;
 Эта пѣсня проливаетъ
 Въ душу новыя мнѣ силы, —

И живѣе возникаетъ
 Предо мной твоя картина;
 И въ себѣ я ощущаю
 Твоего роднаго сына.

III

Улетѣвшая птичка. *)

Голосистая къ намъ птичка прилетѣла,
 Звонко пѣсенку родимую пропѣла;
 Прямо въ душу лились сладостные звуки,
 Пробуждая въ сердцѣ сладостныя муки,
 Вызывая безотчетное страданье.
 Изъ груди у насъ просилось рыданье,
 На глазахъ у насъ наворачивались слезы,
 Въ головѣ у насъ толпой роились грезы:
 Рисовались все знакомыя картины —
 Бѣлоснѣжныя родимыя равнины;
 Представлялись все знакомыя намъ лица:
 Мужичекъ-бѣднякъ, за прялкою дѣвица,
 И Татьяна, и Сусанинъ былъ, и Ваня,
 И тишеческая пушкинская няня. . . . **)

Спѣла птичка пѣсню, спѣла — и умчалась
 О, зачѣмъ ты, птичка, съ нами не осталась!

*) По случаю отъезда А. Г. Меньшиковой 21-го января.

**) Извѣтнаго Петербургскаго пѣвца-тевора А. Н. Николаева.

Мы бь съ тобой забыли тяжкія кручины,
 Созерцая сердцу милья картины;
 Мы бь съ тобой забыли вьюги и морозы,
 И зимою въ Ригѣ намъ цвѣли бы розы....
 Безъ тебя же у насъ все осиротѣло.
 Улетѣла наша птичка, улетѣла!

IV.

Въ сторонѣ приморской, въ Прибалтійскомъ краѣ,

Звонко раздалася пѣснь наша родная —

И, заслыша звуки, сердцу дорогіе,

Встрепенулись дѣтки матушки-Россіи,

Встрепенулись — видятъ: заспались жестоко;

Въ воздухѣ ужъ жарко; солнышко высоко.

„Эй, вставай, ребята, да живѣй за дѣло!

Вишь ты, у сосѣда все давно созрѣло,

А у насъ“.... — Пафнутьичъ, подожди немножко,

Дай вздремнуть маленько, потянутся крошку!

Только разоспались, а ужъ ты и будишь!

Коли тише ѣдешь, такъ вѣдь дальше будешь.

Дѣло не медвѣдь вѣдь: не уйдетъ — не къ спѣху:

Заспѣшишь, — такъ людямъ натворишь лишь смѣху!

Что жъ, что у сосѣда... мы небось сьумѣемъ

Сдѣлать, что угодно, — такъ а в ось успѣемъ.

Да никакъ Ульяны нынче.... глянъ-ка въ святцы!

— „„Глянъ-ка, глянъ, Пафнутьичъ!““

— „Правда, правда, братцы!“ —

— Э-эхъ! И дружно, звонко молодцы зѣвнули,

Повернулись на бокъ — и опять заснули!

V.

Увеселительныя поѣздки „Баяна“.

Кромѣ музыкально-литературныхъ вечеровъ (не рѣдко — особенно на масляницѣ — съ танцами, и на святкахъ — съ елкою), особенно характеристическую черту во внѣшней дѣятельности „Баяна“ представляютъ увеселительныя поѣздки, предпринимаемыя ежегодно преимущественно въ Ивановъ день, наиболѣе чтимый здѣсь праздникъ (24 іюня). Въ этихъ поѣздкахъ, называемыхъ за-просто „выѣздами“, принимаютъ участіе не только члены „Баяна“, но и посторонніе посѣтители. Эти выѣзды служатъ какъ бы періодическою провѣркою ежегодныхъ результатовъ, до какихъ достигло общество пѣвцовъ въ своемъ совершенствованіи, и потому устройство ихъ сопряжено всегда съ немалыми хлопотами: еще задолго до выѣзда пѣвцы начинаютъ разучивать ко времени его новыя піесы и собираться на предварительныя экстренныя сѣвѣки. Такъ-какъ всѣ эти выѣзды отличаются одинъ отъ другаго только въ деталяхъ, въ общемъ же слѣдуютъ одной какъ бы развѣ навсегда принятой программѣ, то достаточно описать одинъ какой-либо изъ нихъ, взятый наудачу, чтобы охарактеризовать ихъ всѣ. Вотъ, напр., какъ описывается въ лѣтописи „Баяна“ выѣздъ, происходившій 13-го августа прошлаго года:

„Въ воскресенье 13 августа участники выѣзда собрались утромъ въ помѣщеніи акціонернаго общества „Улей“, откуда въ стройномъ порядкѣ, при звукахъ военной музыки, отправились къ пристани, гдѣ ихъ ожидалъ нарочно для означенной поѣздки нанятый пароходъ „Больдераа“, украшенный множествомъ разноцвѣтныхъ флаговъ. По занятіи участниками мѣстъ на пароходѣ, пѣвцы вмѣстѣ съ хоромъ военной музыки исполнили гимнъ „Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ.“ Около 11 часовъ пароходъ прибылъ къ дуббельнской пристани, гдѣ собралась навстрѣчу пѣвцамъ многочисленная публика. Отсюда участники выѣзда, всѣ съ бѣлыми или трехцвѣтными значками общества въ петлицахъ, отправились съ хоромъ музыки и знаменемъ „Баяна“ во главѣ къ дуббельнской православной церкви, гдѣ была совершена божественная литургія, и пѣвцы пропѣли обѣдню, что не мало способствовало къ возбужденію благоговѣнія въ массѣ публики, наполнявшей церковь. Затѣмъ общество отправилось обратно, при звукахъ музыки, на пароходъ „Больдераа“, повсемѣстно встрѣчаемое дружелюбными привѣтствіями населенія. На пароходѣ пѣвцы пропѣли гимнъ и „Въ бурю, во грозу“ и затѣмъ отплыли въ Маіоренгофъ. Съ маіоренгофской пристани участники праздника отправились въ сопровожденіи многочисленной толпы народа въ заль гостинницы Горна, садъ при которой вскорѣ наполнился

дуббельнскою и маіоренгофскою публикою. Въ залѣ устроенъ былъ для участниковъ выѣзда общій столъ на сто слишкомъ кувертовъ. Передъ обѣдомъ все стоя выслушали пропѣтую пѣвцами молитву Господню, стройное исполненіе которой произвело глубокое впечатлѣніе на всехъ присутствовавшихъ безъ различія вѣроисповѣданія. Во время обѣда была исполнена пѣвцами слѣдующая программа:

1. „Вотъ ужъ зажглася заря золотая“ — муз. Ломакина.
2. „Стонетъ сизый голубочекъ“
„Била соби Маруся“ } муз. Рожнова.
3. „Приди ко мнѣ“ — Соло квартетъ — муз. Даргомыжскаго.
4. „Туманы разлетаются“ — муз. К. Вильбоа.
5. „Не гордися предъ Бѣлградомъ“ — муз. И. Воячка.
6. „Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ“ — муз. Рожнова.
„Вдоль по улицѣ“ — муз. Гофбауера.
7. „Слеза.“ Соло квартетъ.
8. „Пропадала головушка“ — муз. Контскаго.

Многія изъ этихъ пѣсень были повторены по желанію публики.

Кромѣ пѣнія, во время обѣда происходила и декламация любимѣйшихъ современныхъ произведеній литературы. Въ концѣ обѣда одинъ изъ членовъ „Баяна“ (П. И. Полидоровъ) произнесъ рѣчь, въ которой замѣчательны слова: 1) „Сегодняшній выѣздъ нашъ принадлежитъ къ числу тѣхъ удовольствій, въ которыхъ соединяется пріятное съ полезнымъ“, и 2) „Настоящій выѣздъ даетъ новое доказательство того, какіе значительные успѣхи сдѣлалъ „Баянъ“ въ своемъ музыкальномъ развитіи“.

І. П. Печаткинъ, отвѣчая на произнесенную рѣчь, замѣтилъ между прочимъ, что „съ „Баяномъ“ впервые на берегахъ Варяжскаго моря раздались стройные звуки художественно исполняемой русской пѣсни“ и указалъ также на „сочувствіе, съ какимъ встрѣчены эти звуки не только внутри, но и вѣнѣ ширшественнаго зала.“

„По окончаніи обѣда, былъ пропѣтъ гимнъ „Боже, Царя храни!“ и все вышли въ садъ, гдѣ передъ собравшеюся публикою пѣвцы пропѣли еще три пѣсни: „Гой ты, Днѣпръ ли мой широкій“ изъ „Аскольдовой Могилы“ Верстовскаго; „Охотники въ лѣсу“ (съ эхо) — со шведскаго и „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ и затѣмъ опять русской народный гимнъ, вызвавшій троекратное „ура“.

„Около шести часовъ вечера все участники выѣзда, сопровождаемые многочисленною публикой, при звукахъ музыки, предприняли обратный путь къ пароходной пристани, и при пѣніи народной пѣсни „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, пароходъ тронулся обратно въ Ригу“.

VI.

20 мая 1873 года.

Въ воскресенье 20 мая 1873 года происходило празднованіе десятилѣтія „Баяна“.

„Десятилѣтіе!“ скажетъ иной, незнакомый съ жизнью и дѣятельностью „Баяна“, „но почему же бы послѣ этого не праздновать и пятилѣтія? “На подобный вопросъ отвѣтимъ мы слѣдующее: „Баянъ“ стоитъ въ такомъ исключительномъ положеніи, что десять лѣтъ, пережитые имъ, уже составляютъ эпоху: „не тотъ жилъ, кто жилъ долго, а тотъ, кто жилъ много“. И „Баянъ“ не проспалъ эти десять лѣтъ, и имѣетъ полное право заключить свой десятилѣтній періодъ торжественнымъ празднествомъ. Вѣдь празднуемъ же мы годовщину — почему же не отпраздновать и десятилѣтія? Хотя мы твердо убѣждены, что „Баянъ“ стоитъ теперь твердою ногою на почвѣ и, безъ сомнѣнія, переживетъ не только двадцати-пятилѣтіе, но и разныя многолѣтія; однако, доживемъ ли мы до нихъ, будемъ ли мы участниками ихъ, это — по выраженію покойнаго Кайданова — покрыто мракомъ неизвѣстности; такъ почему же намъ, свидѣтелямъ теперешнихъ прекрасныхъ результатовъ его дѣятельности, не отпраздновать торжественно и десятилѣтіе? Вотъ какъ совершилось это празднество:

Въ 8½ ч. утра члены общества начали собираться въ залъ акціонернаго общества „Улей“, у подъезда котораго уже стояли наготовѣ полковые музыканты и тѣснились пестрыя толпы зѣвакъ. Погода была превосходная: въ воздухѣ тихо и прохладно, темноглубое весеннее небо было почти безоблачно.

Въ 9 часовъ участники торжества вышли на улицу и стали въ ряды попарно: всѣ были со значками общества въ петлицахъ, и большинство — въ черныхъ фракахъ, маршалы — съ бѣлыми лентами, окаймленными золотою бахрамою, на плечѣ. Показалось знамя, и хоръ музыки дружно привѣтствовалъ его. Затѣмъ началось шествіе къ пароходу, при звукахъ торжественнаго марша. Знамя, съ изображеніемъ древняго Баяна, несомое членомъ общества С. Д. Бѣлоусовымъ, въ національномъ русскомъ костюмѣ, развѣвалось, освѣщенное яркимъ весеннимъ солнцемъ. Толпы народа сопровождали шествіе. Нужно замѣтить, что погода передъ тѣмъ стояла дождливая, и это былъ чуть ли не первый ясный день, такъ-что никто не ожидалъ, чтобы празднованіе состоялось такъ удачно: предполагали даже, что участниковъ въ празднествѣ будетъ не болѣе пятидесяти: на столько персонъ былъ заказанъ и обѣдъ у Шмелинга, но сверхъ ожиданія, въ залѣ за обѣденнымъ столомъ сидѣло болѣе ста-тридцати человекъ. У при-

стани ожидалъ пароходъ, убранный зеленью. Въ числѣ гг., сопровождавшихъ шествіе „Баяна“ къ пароходу, находился и г. старшій полицеймейстеръ А. Н. Рейхардъ, членъ „Баяна“. При звукахъ народнаго гимна, исполняемаго хоромъ пѣвцовъ, подъ управленіемъ учителя музыки г. Бернта, съ хоромъ военной музыки, при кликахъ и пожеланіяхъ зрителей, наполнившихъ платформу, пароходъ поплылъ внизъ по Двинѣ.

По причинѣ срочныхъ занятій, я могъ пріѣхать на мѣсто праздника не ранѣе, какъ въ половинѣ втораго, и здѣсь узналъ, что „Баянъ“ посѣтилъ прежде всего архіерейскую дачу, потомъ отправился въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, и преосвященный Веніаминъ, епископъ рижскій и митавскій, сказалъ обществу привѣтственное слово, въ которомъ выразилъ ему свое сочувствіе, а г. ректоръ рижской духовной семинаріи М. М. Дрекслеръ произнесъ рѣчь, произведшую на слушателей глубокое впечатлѣніе.*)

Въ два часа члены и гости сѣли за столъ. Передъ обѣдомъ пѣвцы „Баяна“ стройно пропѣли „Отче нашъ“. Затѣмъ одинъ изъ высокопоставленныхъ членовъ „Баяна“ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, почему „Баянъ“ вправѣ праздновать свое десятилѣтіе, а также, что общество это вполне заслуживаетъ уваженія уже по одному тому, что состоитъ преимущественно изъ лицъ трудящихся, употребляющихъ свой краткій досугъ послѣ дневныхъ трудовъ на усовершенствованіе хороваго пѣнія. Далѣе говорилось въ рѣчи, что, „благодаря существованію „Баяна“, въ кругу русскихъ рижанъ все болѣе и болѣе становятся извѣстными произведенія русскихъ дѣятелей на поприщѣ музыкальнаго искусства: Глинки, Сѣрова, Верстовскаго, Бородина, Кюи, Чайковскаго.“ Затѣмъ слѣдовало пожеланіе чтобы общество „Баянъ“ шло съ другими рижскими пѣвческими обществами рука-объ-руку и „одинаково бодрственно на служеніе одному изъ искусствъ, возвышающихъ достоинство человѣка.“

Во время обѣда была исполнена слѣдующая музыкально-литературная программа:

1. „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.
2. Гимнъ „Земля и небо“ — Бетговена.
3. „Медъ искрометный“ изъ „Аскольдовой Могилы“ — Верстовскаго.
4. Очерки дѣятельности „Баяна“ (**)
5. „Гой ты, Днѣпръ“ }
„Ну-те, братцы“ } Хоръ рыбаковъ изъ „Аскольдовой Могилы.“

*) См. прил. VII.

**) См. I. „Основаніе общества и т. д.“

6. Очерки дѣятельности „Баяна“ *)
7. Арія Неизвѣстнаго. Соло и хоръ изъ „Аскольдовой Могилы.“
8. „Въ тиши ночной“ — соло квартетъ.
9. Декламація.
10. „Богамъ во славу, князю въ честь.“ Соло и хоръ изъ „Аскольд. Могилы.“
11. Очерки дѣятельности „Баяна“ (**)
12. „Нѣтъ, нѣтъ, ты меня не забудешь!“ Соло. Романсъ. Слова Е. В. Козина, муз. В. В. Фабіанъ - Біанки. (***)
13. Дуэтъ.
14. Декламація.
15. „На бережку у ставка.“ Малоросс. пѣсня — муз. Ф. В. Гофбауера.
16. „Боже, Царя храни!“

Представитель общества П. А. Макаровъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора и весь Царствующій Домъ. Тостъ этотъ былъ подхваченъ единодушнымъ „ура!“ и громомъ музыки. Далѣе г. вице-губернаторъ предложилъ тостъ за процвѣтаніе „Баяна“. Затѣмъ слѣдовали тосты за начальниковъ края, пекущихся о его благоустройствѣ, за П. А. Макарова, такъ много содѣйствовавшаго процвѣтанію общества, и вообще за здравіе всѣхъ сочувствующихъ и содѣйствующихъ „Баяну.“ Представитель „Rigaer Männer-Gesang-Verein“ въ краткой рѣчи выразилъ сочувствіе „Баяну“ отъ лица общества, котораго онъ былъ представителемъ, и напомнилъ о той дружбѣ и почти родственной связи, какую питали постоянно оба общества другъ-къ-другу со дня основанія „Баяна“.

Каждый нумеръ музыкальной программы вызывалъ единодушныя рукоплесканія и — по общему отзыву исполненіе пѣвцовъ было вполне безукоризненно. Особенно понравились публикѣ NN^o 8 и 12, которые были повторены по общему требованію всѣхъ присутствовавшихъ, и вслѣдъ за тѣмъ былъ предложенъ тостъ за сочинителя и сочинительницу романса и за исполнителя его П. И. Попова и было выражено желаніе, чтобы на будущее десятилѣтіе на долю „Баяна“ выпало побольше такихъ даровитыхъ исполнителей. „Очерки“ были также весьма радушно приняты слушателями; особенно понравились юмористическіе стихи, написанные составителемъ „Очерковъ“: въ нихъ изображается, какъ за десять лѣтъ предъ симъ, при звукахъ родной пѣсни, пробудились Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ и

*) См. П. „Художественно-образовательная... дѣятельность „Баяна“.

**) См. III. Вызовъ „Баяномъ“ и. д. т.“

***) См. прилож. VIII.

какъ потомъ нѣкоторые изъ нихъ, почесавъ затылокъ, опять заснули сномъ невинности.*)

За обѣдомъ же было получена и прочтена поздравительная телеграмма отъ Ревельскаго русскаго общества любителей пѣнія „Гуслей“ — любимаго птенца „Баянова“ : не даромъ и древній Баянъ, какъ на знамени, такъ и на транспарантѣ и на значкахъ нашихъ — вездѣ изображенъ съ гуслиями.

Послѣ обѣда въ саду и на верандѣ происходили танцы. Въ 9 часовъ всѣ снова сѣли на пароходъ и отправились въ городъ, гдѣ, проводивши съ музыкою знамя въ верхній залъ дома акціонернаго общества „Улей“, всѣ разошлись по домамъ.

Р. С. Кромѣ телеграммы, отъ „Гуслей“ было получено еще поздравительное письмо за подписью старшинъ: гг. Пассита, Франца и Братынкина. Но письмо это запоздало, а потому для чтенія его и другой телеграммы и писемъ члены „Баяна“ собрались вновь вечеромъ 25-го мая въ залѣ „Улья“. Здѣсь прочтены были поздравительная телеграмма изъ Варшавы отъ члена г. Петрова, письма: изъ Петербурга отъ Ф. В. Гофбауера и изъ Москвы отъ С. Н. Шафранова. Въ послѣднемъ, говоря о своемъ отъѣздѣ навсегда въ „неодолимую“ Абхазію, Семень Николаевичъ посылаетъ свое благословеніе „Баяну - соловушкѣ, веселой да и разумной же головушкѣ“, желаетъ ему возрасть не по днямъ, а по часамъ, „ища себѣ чести, а Царюотцу славы“. Прощаясь съ „Баяномъ“ — развеселымъ дѣтищемъ горе-горькаго сердца своего — „лучшимъ сотомъ въ „Русскомъ Ульѣ“, — Семень Николаевичъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что въ этомъ ульѣ есть капля и его меду. При письмѣ прихожена музыка на слова пушкинской сербской пѣсни:

„Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты: слава Богу,
Сердце чисто, мысль ясна!
Чаша**) выпита до дня!

Послѣ рѣчи одного изъ сочленовъ, посвященной благодарнымъ воспоминаніямъ о незабвенныхъ дѣятеляхъ „Баяна“, провозглашены были тостъ за процвѣтаніе „Гуслей“ и тосты и многолѣтіе гг. Гофбауеру и Шафранову.

*) См. прилож. IV.

**) У Пушкина: „Мѣсяць свѣтитъ; ночь ясна! Чарка выпита до дна!“ См. прил. IX.

VII. РѢчь,

произнесенная ректоромъ Рижской духовной семинаріи, протоіереемъ
МИХАИЛОМЪ ДРЕКСЛЕРОМЪ,
 по случаю празднованія десятилѣтія „Баяна.“

„Слово Христово да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію; поучайте и вразумляйте другъ-друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, во благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу. И все, что вы дѣлаете словомъ или дѣломъ, все дѣлайте во имя Господа Іисуса Христа, благодаря черезъ Него Бога и Отца.“ Кол. 3, 16 и 17.

Привѣтствую васъ, любезные соотчичи, съ совершившимся десятилѣтіемъ вашего общества, къ которому, съ самаго его основанія, принадлежалъ и я, и къ которому и теперь принадлежу, если не внѣшне, то душевно. Что же сказать, чего пожелать вамъ по случаю вашего праздника?

Говорить ли о той человѣческой потребности, которая вызвала возникновеніе вашего общества и удовлетвореніе которой составляетъ вашу задачу? Но, думаю, каждый изъ васъ чувствуетъ глубоко присущую каждому человѣку потребность въ изящномъ и, въ частности, въ пѣніи. Поетъ мать надъ колыбелью своего малютки; поетъ няня, забавляя и успокоивая дѣтей; поютъ дѣти, забавляясь играми; поетъ учащееся юношество не только въ часы, назначенные для пѣнія, но и преимущественно въ свободное время, въ товарищескомъ кружкѣ; поютъ юноши и дѣвицы, по выходѣ изъ школы, изливая въ пѣсняхъ свои чувства, свои мечты; поютъ работники — труженики, облегчая пѣсней тяжесть работы и возвращаясь съ работы домой; поютъ старики, не потерявшіе свѣжести чувства и не порвавшіе сердечной связи съ жизнію своихъ предковъ и потомковъ и съ жизнію всего человѣчества; поютъ въ полѣ; поютъ на морѣ; поютъ въ бѣдныхъ хижинахъ, поютъ въ богатыхъ хорамахъ; поютъ въ грусти, поютъ въ радости; поютъ во время мира, поютъ во время брани, — словомъ, поетъ или, по крайней мѣрѣ, любитъ пѣніе каждый, въ комъ есть хоть сколько-нибудь чувства прекраснаго, чье сердце не зачерствѣло и не закрылось для живыхъ чувствованій духа, кто живетъ полною жизнію человѣческою.

Говорить ли послѣ этого о важномъ значеніи искусства пѣнія и о важности всего того, что содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію этого искусства? Если природа наша такъ устроена, что существуетъ непосредственная связь между движеніями нашего духа и нашимъ голосомъ и слухомъ, если каждое настроеніе нашей души проявляется въ

соотвѣтствующихъ звукахъ и эти послѣдніе обратно вызываютъ въ сердцахъ слушателей тѣ же чувства, какими они сами порождены, — то едва ли нужно говорить о важности пѣнія. Пѣніе выражаетъ прекраснѣйшими звуками прекраснѣйшее, возвышеннѣйшее содержаніе духа, — дѣлаетъ его какъ бы нагляднымъ и чрезъ то съ одной стороны даетъ возможность самимъ поющимъ наслаждаться этимъ содержаніемъ, болѣе и болѣе возвышать и укрѣплять его въ себѣ, — съ другой стороны насаждаетъ и воспитываетъ его въ слушающихъ. Вотъ почему пѣніе имѣло широкое развитіе, было любимо и уважаемо у всѣхъ сколько-нибудь исторически значительныхъ народовъ. Вотъ почему послѣ того, какъ раздалась на земли великая всерадостная пѣснь небеснаго вопиства: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе (Лук. 2, 14), пѣніе всегда слышалось и слышится въ церкви Христовой, будучи освящено собственнымъ примѣромъ ея Основателя; и оно не умолкнетъ въ ней до той самой минуты, когда всѣ истинные послѣдователи Христа Спасителя, соединившись съ горнимъ міромъ блаженныхъ духовъ, непрестанными устамъ, немолчными славословенми воспоютъ нескончаемую побѣдную пѣснь (Апок. 5, 9 и сл. 19 сл.). — Лишь нѣкоторыя мелкія секты, чуждыя истиннаго, жизненнаго, зиждительнаго духа Христова, — не допускаютъ у себя пѣнія, основываясь на неправильномъ истолкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія (напр. Еф. 5, 19), повелѣвающихъ будто бы пѣть Господу только въ сердцахъ, а не устами.

Что же сказать, чего пожелать вамъ? Если у всѣхъ насъ есть потребность пѣнія, если пѣніе имѣетъ столь важное значеніе для человѣка, — то остается лишь пожелать, чтобы вы болѣе и болѣе преуспѣвали въ пѣніи и чтобы ваше пѣніе имѣло правильное направленіе. — Хотя, по словамъ одного знаменитаго иноземнаго поэта (Шиллера), можно спокойно присѣсть тамъ, гдѣ поютъ, потому что у злыхъ людей нѣтъ пѣсеней, — и хотя эти слова справедливы въ томъ отношеніи, что истинно-прекрасное пѣніе есть выраженіе истинно-нравственнаго духа, что только нравственный человѣкъ можетъ создавать истинно-прекрасное: однако, и злой духъ иногда преобразуется въ мнимаго свѣтлаго ангела, и злые люди облачаютъ свои темные, пагубные взгляды, свои безобразныя, безнравственныя чувства въ мнимопрекрасную форму пѣнія. Такъ поступали древніе противники церкви Христовой (напр. гностики: Вардесанъ и Армоній, — аполинаристы, ариане и др.), такъ поступаютъ и нынѣшніе враги церкви и государства. Отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злаго сокровища выноситъ злое (Мѡ. 12, 34 и 35). Поэтому пойте, но пусть

будетъ пѣснь ваша выраженіемъ сердца, наполненаго добрымъ сокровищемъ св. церкви Христовой и дорогаго нашего отечества. Правда, вы уже въ теченіи десяти лѣтъ трудились для усовершенствованія себя въ пѣніи, самое названіе и составъ вашего общества, составъ наиболѣе пѣваемыхъ вами пѣсней, въ особенности же пѣніе ваше по временамъ въ храмѣ Божіемъ и сегодняшнее ваше собраніе въ этомъ св. храмѣ служатъ доказательствомъ того, что ваше общество стоитъ на правильномъ пути. Но да не оскорбится ваша похвальная ревность, если я скажу вамъ или, лучше сказать, въ лицѣ вашемъ — всѣмъ нашимъ соотечественникамъ, что мало сдѣлано нами для пѣнія. Плохой гражданинъ тотъ, кто заботу о гражданскомъ благѣ своего отечества считаетъ исключительнымъ дѣломъ одного правительства и является гражданиномъ лишь въ формальныхъ своихъ отношеніяхъ къ правительству. Плохой сынъ церкви тотъ, кто считаетъ религію и ближайшее выраженіе ея — богослуженіе — дѣломъ исключительно одного духовенства и свои религіозныя обязанности ограничиваетъ лишь безмолвнымъ посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ. Между тѣмъ большая часть изъ васъ на дѣлѣ является такими именно гражданами и такими именно сынами церкви.

Таковыми именно являемся мы и въ области пѣнія. Многіе изъ насъ охотно платятъ немалыя деньги, чтобы послушать иноземныхъ пѣвцовъ, чтобы самимъ научиться и дѣтей своихъ научить иноземному пѣнію и съ удовольствіемъ, даже съ какою-то гордостію поютъ иноземныя пѣсни, а между тѣмъ не знаютъ, даже стыдятся своихъ заветныхъ народныхъ пѣсней. О пѣніи въ храмѣ Божіемъ болно и говорить. Въ нашемъ просвѣщенномъ городѣ лишь нѣкоторыя отдѣльныя лица изъ народа принимаютъ участіе въ церковномъ пѣніи, но ни въ одномъ храмѣ не поетъ вся церковь, весь народъ. Большинство народа не знаетъ церковнаго пѣнія и не считаетъ своею обязанностію знать. Многіе считаютъ даже ниже своего образованія и положенія въ свѣтѣ, ниже такъ называемаго своего достоинства — очутиться въ положеніи церковнаго пѣвца. Многіе же, хотя искренно любятъ и знаютъ церковное пѣніе, — но, руководимые слѣпою приверженностію къ церковной буквѣ, а не церковнымъ духомъ, считаютъ непозволительнымъ для себя — пѣть въ церкви, — утверждая, что правила соборныя гласятъ: „Кромѣ пѣвцовъ, состоящихъ въ клирѣ, на амвонъ всходящихъ и по книгѣ поющихъ, не должно инымъ ни которымъ пѣти въ церкви.“ (Лаодикійск. соб. прав. 15), — но не зная того, что правила эти даны лишь по особеннымъ обстоятельствамъ церкви, — для отстраненія нестройности пѣнія, неизбѣжной при многочисленныхъ обращеніяхъ къ церкви Христовой язычниковъ, незнакомыхъ съ христіанскими папѣвами, — что правилами этими запрещается мірянамъ только восходить на амвонъ и

предначинать пѣніе, а не пѣть въ храмѣ вообще, и что исторія первенствующей Христовой церкви свидѣтельствуеть о пѣніи въ храмѣ всею церковію, всѣмъ народомъ (I. Кор. 14, 16; Еф. 5, 19; Кол. 3, 16; письмо Плинія къ Траяну; Златоустъ и др.). Если народъ не долженъ быть безучастнымъ зрителемъ бывающаго въ церкви, а долженъ быть участникомъ богослуженія, долженъ самъ славословить, благодарить и просить Господа, — то необходимо во храмѣ пѣніе всею церковію, всѣмъ народомъ, такъ-какъ посредствомъ пѣнія лучше всего, или, почти единственно — весь народъ въ совокупности можетъ выразить свою совокупную молитву внятно, прекрасно, назидательно, что невозможно при обыкновенномъ совокупномъ чтеніи многихъ разомъ. — Думаю, братья, вы съ удовольствіемъ прочли въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ недавнее сообщеніе одного изъ священнослужителей нашей церкви о пѣніи всею церковію въ утро-русскихъ храмахъ. Безъ сомнѣнія, вамъ также извѣстно, что всенародное пѣніе при богослуженіи существуетъ у окружающихъ насъ иновѣрцевъ, и, можетъ быть, многіе изъ васъ знаютъ, что во многихъ нашихъ юныхъ, православныхъ сельскихъ эстскихъ и латышскихъ храмахъ существуетъ также пѣніе всею церковію, хотя само собою разумѣется, еще въ слабыхъ зачаткахъ. Да послужить примѣръ окружающихъ насъ иновѣрцевъ и въ особенности примѣръ меньшихъ нашихъ единовѣрныхъ братій урокомъ для насъ.

Пойте же, пойте, какъ истинные сыны св. православной церкви и какъ истинные сыны Россіи. Все, недостойное истинныхъ сыновъ православной церкви и истинныхъ сыновъ Россіи, да будетъ чуждо вамъ. Отложите низкія, пагубныя, безправственныя удовольствія (Кол. 3, 5), — ищите для себя удовольствія и отдохновенія отъ трудовъ въ красотѣ истинно-прекраснаго пѣнія и истинно-прекраснаго отечественнаго слова. Слово Христово да не будетъ для васъ минутнымъ гостемъ странникомъ, принимаемымъ только въ храмѣ, но да пребываетъ постоянно у васъ и болѣе и болѣе насаждается въ васъ вмѣстѣ со всякою премудростію, передаваемою отечественнымъ словомъ. Научайте и вразумляйте другъ-друга не только во храмѣ, но и внѣ храма — дома — псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, по мѣрѣ дарованій своихъ отъ благодарныхъ сердець вознося пѣснь Господу. И самая свѣтская ваша пѣснь и все, что вы дѣлаете словомъ или дѣломъ, — да управляется духомъ Христовымъ, да будетъ во имя Господа Иисуса Христа и чрезъ то въ благодареніе Богу и въ славу Божию.

Теперь же отъ благодарныхъ сердець вознесемъ благодарную пѣснь Господу за тѣ успѣхи въ пѣніи, которыхъ вы достигли въ истекшемъ десятилѣтіи и помолимся о дальнѣйшемъ истинномъ преуспѣяніи вашего общества. Аминь.

VIII.

„НБТЬ, НБТЬ, ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕШЬ ”

РОМАНСЪ ДЛЯ БАСА.

Слова Е. В. Ковина.

Музыка В. В. Фабіанъ-Біанки.

Посвящается

**РИЖСКОМУ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ПѢНІЯ И ИЗЯЩ-
НАГО ГОВОРЕНІЯ**

„Б А Я Н У.“

1873.

„НѢТЬ, НѢТЬ, ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕШЬ!“

Слова Е. В. Козина.

Романсъ.

Муз В. В. Фабіанъ-Біанки.

Basso.

Piano.

Agitato ed appassionato.

f *ff*

Agitato ed appassionato.

НѢТЬ, нѢТЬ, ты ме- ня не за- бу- дешь, Мой другъ, ни- ко-
гда, ни- ко- гда! Быть мо- жетъ, ме- ня ты раз-
лю- бишь, Но по- мнить, да по- мнить- то бу- дешь все-

The musical score is written for Bass and Piano. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The piece is marked 'Agitato ed appassionato'. The piano part features dynamic markings of 'f' and 'ff'. The lyrics are in Russian and are placed below the vocal line. The score consists of three systems of music, each with a vocal line and a piano accompaniment. The piano accompaniment includes bass notes marked with an '8'.

Più lento, amoroso e molto legato.

гда! И мож-ноль за-быть то то-млень-е, Ту

p più lento.

страсть, ки-пя-тя-шу-ю кровь,... Вос-тор-ги и то у-по-

ень-е, Что намъ при-но-си-ла лю-бовь!?

Tempo primo, agitato ed appassionato.

Нѣтъ, нѣтъ, ты ме-ня не за-бу-дешь, Мой другъ, ни-ко-

гда, ни-ко-гда! Быть мо-жетъ, ме-ня ты раз-лю-

бишь, Но по-мнить, да по-мнить-то бу-дешь все-гда! И

Risoluto, ma sempre

мож-ноль за-быть, какъ же-сто-ко Я въврахъ тво-е

счасть-е раз-билъ? И мож-ноль за-быть, какъ глу-бо-

ко у-пре-комъ те-бя о-скор-билъ? Нѣтъ,

f

Нѣтъ, ты ме-ня не за-бу-дешь, Мой другъ, ни-ко-гда, ни-ко-

f *Tempo primo, agitato ed appassionato.*

гда! Быть мо-жетъ, ме-ня ты раз-лю-

бишь, Но по-мнить, да по-мнить-то бу-дешь все-гда! И

Andante doloroso

Λ

мож-ноль за-быть тѣ ры-дань-я... То мо-ре ве-

Andante doloroso.

8

ли-ко-е слезъ, Что ты про-ли-ла,—тѣ стра-дань-

8

я, Ту скорбь, что те-бѣ я при-несъ? Той скор-би во-

8

вѣкъ не из-бу-дешь, Без-силь-ны надъ ней и го-да...

8

loco.

Tempo primo.

НѢТЬ, нѢТЬ! ты ме- ня не за- бу- дешь, Мой

другъ, ни- ко- гда, ни- ко- гда!

другъ, ни- ко- гда, ни- ко- гда!

IX.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ

Марка Якубовича.

Для мужскаго хора на 4 голоса.

Посвящается

РИЖСКОМУ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ПѢНІЯ И ИЗЯЩ-
НАГО ГОВОРЕНІЯ

„Б А Я Н У.“

Слова Пушкина.

Музыка С. Н. Ш.....ва.

1873.

Похоронная пѣсня Марка Якубовича.

Слова Пушкина.

Муз. Ш.....а.

Soprano.

Alto.

Tenore.

Basso.

1.) Съ Бо- гомъ, въ даль- ню-

ю до- ро- гу! Путь на-

йдешь ты : сла- ва Бо- гу,

Мѣ- сяць свѣ- тить, ночь яс- на Чар- ка вы-

ни- та до дна.

2.) Пуля легче лихорадки.
 Волежь умерь ты, какъ жиль.
 Врагъ твой мчался безъ оглядки;
 Но твой сынъ его убилъ.

3.) Вспоминай насъ за могилой!
 Коль соидетесь какъ-нибудь,
 Отъ меня отцу, братъ милый,
 Поклониться не забудь.

4.) Ты скажи ему, что рана
 У меня ужъ зажила;
 Я здоровъ, и сына Яна
 Мнѣ хозяйка родила.

5.) Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
 Умный мальчикъ у меня:
 Ужъ владѣть ягаганомъ
 И стрѣляеть изъ ружья.

6.) Съ Богомъ и т. д.

Москва. 1873

ГЛАВНЪ БАЯНУ.

Пѣснотворецъ „Баянъ“, соловей древнихъ лѣтъ!
Ты когда-то воспѣлъ русской жизни разсвѣтъ.
Со своими живыми струнами,
Ты сегодня невидимо съ нами.

Вновь по вѣщимъ струнамъ ты перстами ударь,
Славу родины вновь ты воспой, какъ и встарь;
Пусть гремитъ твоя пѣснь на полсвѣта
Нашей родинѣ: „многая лѣта!“

Имена лицъ, подписавшихся на изданіе.*)

Акалевская, дѣвица.	Егеръ, П. І.	Лазаревъ, И. П.
Бакадинъ, К. В.	Екимецкій, В. Н.	Ланкау, маіоръ.
Баташковъ, А. П.	Еноховичъ, А. Ф.	Лебедевъ, А. Ф.
Берманъ, А. Н.	Епинатьевъ, А. Д.	Макаровъ, Пв. А.
Берндтъ, А.	Епинатьевъ, И. И.	Макаровъ, Пт. А.
Блюмъ, А.	Епинатьевъ, М. Д.	Максимовъ, И.
Бочаговъ, Н. И.	Жердевъ, Н. Н.	Макушевъ, Ф. П.
Бочаговъ, С. Н.	Жилкинъ, поручикъ.	Малаховъ, Н.
Братынкинъ, А. В.	Заверткинъ, Л. Ф.	Малаховъ, П.
Булавинъ, Н. В.	Захарій, подполковникъ.	Мальмбергъ, И. Д.
Буцуло, В. М.	Захаровъ, Т. А.	Мальшевъ, Н. Г.
Бѣлашъ, капитанъ.	Зоргенфрей, А. Е.	Мансеръ, И. Ф.
Бѣлоусовъ, С. Д.	Игнатьевъ, В. И.	Медвѣдковъ, М.
Ваустъ, Е. П.	Измаильскій.	Меркулевъ, И. Д.
Вильде, В.	Исаевъ, Г. А.	Метцеръ, А.
Вимеръ, Е.	Исаевъ, Н. В.	Миловановъ, Н.
Внуковскій, А.	Кажеуровъ, П.	Михайловъ, К. М.
Войцеховичъ, С. М.	Камаринъ, А. Г.	Михѣевъ, полковникъ.
Галотинъ, А.	Камаринъ, П. Г.	Можневскій, И. Д.
Гиршфельдъ, В.	Карцовъ, В. П.	Молчановъ, И. П.
Глинка, М.	Кашлаковъ, Н. Г.	Мурашевъ, В. П.
Голубевъ, С. К.	Кестнеръ, Л. А.	Мѣщаниновъ, С. М.
Гюфбауеръ, Ф. В.	Кирпичниковъ, А. Д.	Мюльдринъ, А. В.
„Гусли“ — Ревельское	Клитинъ, прапорщикъ.	Назаровъ, Н.
Русское Общество	Кораблевъ, И. В.	Наумовъ, П. К.
Любителей Пѣнія.	Королевъ, М.	Невструевъ, В. И.
Давиденковъ, И. В.	Корчагинъ, П. С.	Немышкій.
Деминъ, В. В.	Красниковъ, К. Г.	Орловъ, штабсъ-кап.
Де-Спиллеръ, Е. Г.	Крокъ, К. Э.	Орлыгинъ, Н. К.
Дещинскій, штабсъ-кап.	Крутелевъ, П. М.	Орѣховъ, Ф. В.
Друэнь, К. П.	Крыловъ, П. А.	Ошиповъ, Е. Я.

*) Въ списокъ этотъ вошли только тѣ имена гг. подписчиковъ, которыя были сообщены мнѣ не позже половины іюня.

Офицеры 114 полка.
Павловъ, К. К.
Пасситъ, Г. А.
Петрушевичъ, К. А.
Пименовъ, В. П.
Пироговъ, М. И.
Пироговъ, П. И.
Побуковскій, Н. Ф.
Подвойскій, С. М.
Полидоровъ, П. И.
Поповъ, П. И.
Порхоменко, М. М.
Пославскій, Д. А.
Пранцъ, К. И.
Пранцъ, Н. И.
Прокоповичъ, А. А.
Протопоповъ, А. В.
Пургасовъ, А. Н.
Пафъ, Ю.
Разумовскій В. Г.
Ребининъ, Ф. А.
Риманъ, В. В.
Рудниковъ, К. П.

Рудометовъ, Н. А.
Сабельниковъ, И.
Свищовъ, Ф. Н.
Селивановъ, А. А.
Семеновъ, И. И.
Серафимовъ, Н.
Сергѣевъ, маіоръ.
Сильвестровичъ 2., А. О.
Сильвестровичъ 1., Л. О.
Ситкинъ, К. И.
Скворцовъ, Л. Д.
Скворцовъ, П. М.
Смѣльскій, С. К.
Соколовъ, А. А.
Соколовъ, Г. И.
Соколовъ, Н. И.
Сорокинъ, поручикъ
Спиридоновъ, Е. А.
Степановъ, Я. В.
Сумъ.
Сѣвниковъ, К.
Тиронъ, Р. Д.
Томилинь, Г. Г.

Троицкій А.
Троцкій, М. Н.
Тюпинъ, подручникъ.
Ульяшенко, штабсъ-кап.
Фербергъ, В.
Францъ, Д. Д.
Холостовъ, А. Е.
Холостовъ, Н.
Хондажевскій, поруч.
Черновъ, К. Н.
Чибисовъ, А.
Чинновъ, К.
Чумиковъ, П.
Чурковъ, В.
Шертневъ, С. П.
Шигинъ, А. Ф.
Шпиталевъ, И.
Штейнманъ, И. Ф.
Шутовъ, І. А.
Щепотьевъ, Л. А.
Эдельсонъ, А. Н.
Яковлевъ, О. В.
Өадеевъ, Н. А.

Дозволено цензурою. — Рига, 1 іюня 1873 года.

ESTICA

A. 4229.

ES

Цѣна 1 Руб.

Druck der Schnakenburgschen litho- & typogr. Anstalt, Riga.